

УДК 32:327:94

МИФОТВОРЧЕСТВО В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Ставицкий А.В.

Филиал МГУ в городе Севастополе

В статье рассмотрен современный миф как базовая универсалия культуры, а мифотворчество – как основа взаимодействия культур и цивилизаций. Автор показывает, как в этом взаимодействии миф используется политиками для усиления или ослабления, покорения и разрушения страны. Раскрываются особенности и механизм мифотворчества, его сильные и слабые стороны. Объясняются социальная и культурная значимость мифотворчества для народов и цивилизаций. Предложены авторские подходы для его рассмотрения.

Ключевые слова: *современный миф, мифотворчество, глобальное взаимодействие, информационно-психологическая война, аксиологическая безопасность.*

В современных условиях перехода к информационному обществу, когда ценность информации становится определяющей, центр межцивилизационного взаимодействия перемещается от геополитики и геоэкономики к геокультуре [1]. Однако матрицей каждой конкретной культуры выступает своя определенным образом организованная мифология, в которой воплощаются главные ценностные смыслы государства, страны, цивилизации [10]. Ведь выстроенные в соответствии с мировоззрением людей мифы определяют тот порядок в сознании людей, который затем проецируется на человеческую жизнь, воплощаясь в определенном поведении и обеспечивая стабильность в обществе [11].

Тем самым они формируют своеобразную матрицу, которая как грибница через мельчайшие смысловые и поведенческие установки продуцирует и мотивирует постоянное воспроизводство социума в рамках сложившейся, хотя и не всегда различаемой традиции. А то, что не распознается и внешне незаметно, проявляясь в поведении и мировоззрении людей скрыто и опосредовано, преимущественно на подсознательном уровне, может быть разрушено воздействием извне незаметно для остальных. И не всегда общество бывает к этому готово [13].

Чтобы морально разложить общество и обвалить государство достаточно разрушить воплощенную в определенной мифологии идеологию, которая апеллирует к общим ценностям, канализируя энергию массового энтузиазма в создание и функционирование соответствующих институций [8]. Все остальное падет само собой и его не спасут ни армии, ни ракеты. Ведь политические системы в наше время валят, разрушают и берут под контроль не ядерными ударами и танковыми колоннами, а финансовой удавкой, «технологическими объятиями», истощением экономики и компрометацией ориентированных на будущее традиционных ценностных смыслов общества [7]. Вот почему в силу своих природных свойств миф выступает механизмом управления сознанием и инструментом современной политики, главная задача которого – поиск, обретение или разрушение общего символически означенного для людей сакрального смысла. В этом качестве миф становится узловым фактором национальной безопасности страны, отвечающим за духовные основы общества и его мотивацию, матрицей общенациональной и цивилизационной программы.

В свете сказанного, когда миф из эпистемологической проблемы превращается в способ решения проблем, его надо рассматривать как базовую культурную универсалию [10], на которой строится аксиологическая безопасность страны. Безопасность, зависящая от того, что мы определяем умом и сердцем и принимаем всей душой. Безопасность про-

странства наших в образно-символической форме отраженных ценностных смыслов, защищенного верой в то, что мы со смыслом и пользой для Отечества живем, и наделенного всем, что нам необходимо для осмысленного исторического бытия во времени.

Итак, как видим, социальное мифотворчество играет для общества очень важную роль. Но, поскольку информационно-психологическое воздействие мифа обычно людьми не распознается, именно эта сфера становится для социума наиболее значимой и одновременно уязвимой. Ведь если раньше данный процесс протекал преимущественно подсознательно и спонтанно, то, в отличие от былых времен, современное общество может использовать его осознанно и технологически грамотно, рассматривая мифотворчество, как особую гуманитарную метатехнологию [4]. Эта метатехнология позволяет не только защищаться от чужого информационно-психологического воздействия, сохраняя свою социокультурную целостность, но и осуществлять экспансию, вскрывая и осваивая чужие смысловые пространства с пользой для себя.

При этом в мифах кроются те резервы выживания, без которых ни общество, ни человек существовать не могут, как бы они при этом к мифам ни относились, ибо миф есть смысловое поле культуры. Особым образом организованная информация, хранящая опыт существования и развития социума, происхождение и значение которого нам до конца не известно. Вот почему, хотя в силу своей универсальности и пластичности миф всегда воспринимался как проблема, лишь сейчас его начинают осознавать как механизм решения самых разных проблем – от личных до глобальных. Данное обстоятельство вызывает настоятельную необходимость решения вопроса адаптации мифотворчества к стратегическим потребностям государства и ставит нас перед необходимостью учиться мыслить стратегически в режиме мифоистории, так как именно она позволяет в рамках общих культурных кодов и контуров соединить прошлое с будущим и вдохновить людей на борьбу за него.

Впрочем, данные гуманитарные технологии можно обращать как во благо общества, так и во зло [9], что мы наблюдаем по истории развала СССР или возникновения и реализации украинского проекта [2], которые следует рассматривать в контексте «Большой игры» против России [3]. А простейшим примером того, как работает построенная на мифотворчестве гуманитарная технология на Западе, может служить новая мода в странах, некогда освобожденных от оккупации нацистской Германии, раскрашивать или наряжать фигуры советских воинов-освободителей на памятниках то в национальные цвета, то в одежды героев американских комиксов, а то в «балаклавы» террористов и «героев» Евромайды. Понятно, что смысл данных акций в многоцелевом использовании, которое можно свести к следующему:

- a. оскорбление чувств тех, для кого подвиг советских солдат свят, и сигнал всем остальным, что подобные акции не только возможны, но и модны, а потому желательны;
- b. насаждение установки, что, разрушая прежние святыни, эти вандалы становятся выше и достойнее их, они носители максимальной свободы – свободы от тех традиций, на которых любая культура держится;
- c. конкретная установка на разрушение или компрометацию советской (российской) символики где только можно, носители которой как бы объявляются вне закона, а их спасительные для Европы деяния предаются забвению;
- d. однозначная ассоциация подобных перформансов с майданом, «цветными» революциями и как бы безымянными «героями» баррикад в «балаклавах», которые приходят на смену прежним «фетишам» и крушат тирании и их отжившие символы;
- e. соотнесение своей акции с постмодернистским кривлянием, представленным в разного рода перформансах как высшее достижение современной западной культуры и продвижение нигилистических идей, которые служат идеологическим обоснованием «управляемого хаоса»;
- f. явный посыл ко всем, кто подобное одобряет и поощряет, что всевозможные «pussy riot» будут и дальше выполнять подобные акции, пока им платят;
- g. насаждение в сложившемся пространстве смыслов разрушительной бездуховности, которая позволяет потом навязывать социуму любой смысловой контент.

Как видим, даже один пример подобной деятельности ясно показывает, что мифотворчество активно используется в процессе культурного взаимодействия с целью ком-

прометации и разрушения тех смыслов, которыми люди живут. Исходя из сказанного, очевидно, что России следует всемерно заниматься укреплением и развитием того, что составляет основу ее духовности, ставя этот вопрос на первое место, ибо именно преимущество в данной сфере определит, кто будет формировать для человечества его будущее. А для этого надо хотя бы научиться распознавать его вызовы и проявления.

Как следствие – на первое место выдвигается способность общества конкурировать с другими социумами в пространстве ценностных смыслов.

В концептуальном плане информационное взаимодействие цивилизаций, народов, культур можно свести к взаимодействию проектов, стратегий и мифологий. В нем проекты, с учетом определенной доли условности – «образы» прошлого, настоящего и будущего, стратегии – технологии движения к «образу», а мифологии – «матрицы», в которой формируется и то, и другое.

Очевидно, что конкуренция проектов настоящего и будущего потребует сильных мифологий, органично сочетающих динамизм с устойчивостью, а нацеленные на вечность ценностные начала с эффективностью креатива. И с учетом этого, в недалеком будущем новым глобальным лидером станет тот, кто сумеет создать самый привлекательный и эффективный проект, где привлекательность проявляется в новых интерактивных формах архетипических ценностных начал, а технологии будут помножены на великий созидательный миф.

В свою очередь следует учесть, что мифотворчество связано с процессом конкуренции цивилизаций в области системно организованного смыслообразования на уровне проектов и стратегий, которые, как образы будущего, могут быть раскрыты лишь через мифологии. Благодаря грамотно созданным и используемым мифам, глобальные игроки могут идейно и мировоззренчески разоружать государства и народы, получая под свой контроль те ресурсы, для обладания которыми они раньше должны были оккупировать страны и даже уничтожать народы, как это было с коренным населением Америки. Теперь этого делать не нужно. Современная система организованной с помощью мифов манипуляции позволяет без единого выстрела получать в свое распоряжение целые страны, когда местное население не только не сопротивляется экспансии, но даже радостно приветствует ее [3], воспринимая как позитивное приобщение к западным благам и идеалам.

Вот почему в стратегическом плане системно организованная атака на ценностно означенные смыслы взаимодействующих сообществ уже эффективнее бомб и ракет и представляет одну из основ так называемого нелетального оружия будущего. И это дает основание считать развернутое в рамках конфликта цивилизаций мифотворчество оружием массового поражения Третьей волны [15], когда под удар ставятся символически означенные ценностные смыслы не только наций, но и цивилизаций, вызывая их мобилизацию и подъем или ослабление и последующее крушение.

Пример Холодной войны, которая закончилась полным поражением СССР без крупного военного столкновения, показывает, что в будущих конфликтах стран и цивилизаций решающую роль при сохранении доктрины ядерного сдерживания будут играть не ракеты и танковые армады, а невоенные способы – экономические и культурно-идеологические. При этом, если учесть, что грань между мирными и военными видами силы стирается, правительства разных стран могут произвольно интерпретировать любые виды иностранной деятельности как требующие отпора. Но готовы ли они дать адекватный ответ теми же средствами? Как достойно ответить на новые по содержанию вызовы времени, не прибегая к военным методам, без успехов в развитии людей, идей и технологий? А это возможно лишь при понимании особой роли культуры, которая представляет собой часто не учитываемый и совершенно не просчитываемый, но весьма важный ресурс.

Возможно, поэтому в условиях информационно-психологической войны Россия начинает осознавать, что помимо социально-экономической, технологической и военной угроз есть еще вызовы в области, отвечающей за пространство ценностных смыслов культуры. А она становится крайне важным силовым направлением, от состояния которого зависит качество людей, идей и технологий, а значит, достойное будущее России возможно лишь «при условии планомерных и последовательных инвестиций в человека» [6]. Исходя из этого, руководство РФ приняло в декабре 2014 г. «Основы государственной культурной политики», где подчеркнута, что «государственная культурная политика признается не-

отъемлемой частью стратегии национальной безопасности», а сама культура «возводится в ранг национальных приоритетов» [6].

Недаром, по мнению министра культуры РФ В.Р. Мединского, «культура – это духовное и материальное выражение того, что мы сами думаем о себе, о своей стране и своих ценностях, о современности и исторических традициях, а также о будущем ... Культура – это пространство, в котором задаются и поддерживаются важнейшие для общества нравственные координаты». В этом смысле «она действительно имеет стратегическое значение для развития страны» [5]. Но то, что имеет стратегическое значение, должно и реализовываться стратегически. Однако принятие «Основ государственной культурной политики» не означает, что поворот в сторону данных проблем произошел. И это лишний раз подтверждает, что зачастую от понимания проблемы до практических действий государства по ее решению нередко проходят долгие годы. Только есть ли они у России сейчас в условиях перехода трансформационного кризиса из латентной в активную стадию?

В определенной степени, хотя и не в сопоставимых масштабах, подобная ситуация напоминает историю 200-летней давности, когда при Александре I практически всю систему образования в западных регионах Российской империи и особенно в Малороссии царская власть отдала на откуп потерявшим свое государство в результате трех разделов Речи Посполитой полякам. Как следствие этого – несколько польских восстаний и возникновение «украинской нации», с которой Россия выясняет отношения уже не одно десятилетие без надежды на быстрый позитив. Однако вызовы, которые таит в себе трансформационный кризис, утверждающий шестой технологический уклад и расчищающий пространство для нового мирового порядка, значительно сложнее и масштабнее.

В «Основах государственной культурной политики» записано: «В современном мире культура становится значимым ресурсом социально-экономического развития, позволяющим обеспечить лидирующее положение нашей страны в мире ... К наиболее опасным для будущего России возможным проявлениям этого (гуманитарного – А.С.) кризиса относятся: снижение интеллектуального и культурного уровня общества; девальвация общепризнанных ценностей и искажение ценностных ориентиров; рост агрессии и нетерпимости, проявления асоциального поведения; деформация исторической памяти, негативная оценка значительных периодов отечественной истории, распространение ложного представления об исторической отсталости России; атомизация общества – разрыв социальных связей (дружеских, семейных, соседских), рост индивидуализма, пренебрежения правами других» [6]. Однако все это не выходит за пределы заданных в культуре и образовании смыслов, которые с самого начала включены в конкуренцию государств и цивилизаций, где необходима исходная культурная матрица и задающая программу изменений для страны на десятилетия «длинная воля».

Чтобы правильно оценить исторические вызовы и цивилизационные возможности России следует учитывать культурную, смысловую, мифологическую составляющую. А она требует исходить из следующих исходных установок.

1. Тот, кто контролирует смыслы общества, контролирует и само общество, так как сохранение и развитие своих мифов дает возможность социуму вписаться в новый мир, не потеряв свое лицо.

2. Чтобы управлять миром в эпоху так называемой Третьей волны, совершенно не обязательно покорять его с помощью привычного оружия. Для этого вполне достаточно взять под контроль традиционные для общества ценностно означенные смыслы. Кто формирует смыслы социума, тот управляет сознанием людей. Кто управляет их сознанием, тот контролирует и их ресурс [1]. И подтверждение этой довольно простой мысли мы находим при исследовании украинского проекта [9].

3. В основе глобальной власти лежит возможность контролировать и изменять мифы народов мира, трансформируя смысловое поле в нужном для глобального лидера направлении. Понятно, что такая коррекция будет вызывать повсеместное сопротивление и, значит, мир ожидают новые войны мифов. Эпистемологические и концентрические войны [7]. Войны образов и проектов. Войны символов, смыслов и идентичностей с исполь-

зованием самых эффективных технологий вплоть до зомбирования в духе янычарства и национальной психокоррекции [2, 8].

4. Государствам, которые хотят сохранить свою независимость, и элитам, которые хотят контролировать свои государства, нужно учитывать роль мифа в обществе и грамотно этим знанием пользоваться. Пользоваться в условиях созидания, мобилизации и войны. Войны информационной, которая разворачивается в мире в форме конфликта цивилизаций, где главные и самые глубинные преобразования мирового сообщества будут связаны со смысловым полем сознания, представляющим собой своеобразную мифосферу. И тот, кто сможет контролировать ее, будет управлять миром.

Как следствие, становясь исключительно ходовым товаром, миф вызывает потребность в создании индустрии мифотворчества и ее развернутой инфраструктуры, без которой вести эффективное информационно-психологическое взаимодействие невозможно. Индустрии, которая на основе системной манипуляции делает миф инструментом преобразования мира и мощнейшим оружием информационно-психологической войны. Войны, которая должна рассматриваться в контексте и масштабе разрастающейся борьбы за Новый мировой порядок и глобальный передел ресурсов, где способность к позитивному и созидательному социальному мифотворчеству выступает в рамках культуры как главный ресурс.

Источники и литература.

1. Зиновьев А. Глобальный человек. М.: Эксмо, 2003. 448 с.
2. Костенко В. Воспитание новых янычар, или «Украиноведение» [Электронный ресурс] // Сайт «ForPost». 18.09.2008. – Режим доступа: <http://odnarodyna.ru/articles/3/283.html>
3. Лисичкин В.А., Шелепин Л.А. Война после войны: Информационная оккупация продолжается. М.: Алгоритм, Эксмо, 2005. 416 с. (Итоги Второй мировой).
4. Матвейчев О., Беляков А. Троянский конь западной истории. СПб.: Питер, 2014. 224 с.
5. Мединский В. Кто не кормит свою культуру, будет кормить чужую армию [Электронный ресурс] // Сайт «Известия». 15.09.2015. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/587771>
6. Основы государственной культурной политики [Электронный ресурс] // Kremlin.ru – официальное интернет-представительство Президента России в сети Интернет. 24.12.2014. – Режим доступа: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d526a877638a8730eb.pdf>
7. Потехин В.К. Современные концентрические войны и национальная безопасность России [Электронный ресурс] // Сайт «Военная история и футурология». – Режим доступа: <http://www.milresource.ru/Potekhin-1.html>
8. Русин. Второе нашествие янычар (история создания «национально сознательных») [Электронный ресурс] // Электронная библиотека «RoyalLib.com». 07.09.2010. – Режим доступа: http://royallib.ru/read/rusin/vtoroe_nashestvie_yanichar.html#0
9. Ставицкий А.В. Национально-исторический миф Украины. Севастополь: Рибэст, 2015. 748 с.
10. Ставицкий А.В. Онтология современного мифа. Севастополь: Рибэст, 2012. 543 с.
11. Ставицкий А.В. Современный миф и его основные функции. Севастополь: Рибэст, 2012. 238 с.
12. Ставицкий А.В. Украинская идентичность: общие подходы конструирования и мифологизации. Севастополь: Рибэст, 2013. 160 с.
13. Ставицкий А.В. Украинская мифоистория в режиме информационной войны. Севастополь: Рибэст, 2014. 176 с. (Серия «Мифы Украины»).
14. Ставицкий А.В. Украинская «элита»: идентичность и глобальный выбор. Севастополь: Рибэст, 2013. 208 с.
15. Тоффлер Э. Третья волна. М.: Издательство АСТ», 1999. 784 с.

References.

1. Zinovyev A. Globalnyy cheloveynik. M.: Eksmo, 2003. 448 s.
2. Kostenko V. Vospitaniye novykh yanychar. ili «Ukrainovedeniye» [Elektronnyy resurs] // Sayt «ForPost». 18.09.2008. – Rezhim dostupa: <http://odnarodyna.ru/articles/3/283.html>
3. Lisichkin V.A.. Shelepin L.A. Voyna posle voyny: Informatsionnaya okkupatsiya prodolzhayetsya. M.: Algoritm, Eksmo, 2005. 416 s. (Itogi Vtoroy mirovoy).
4. Matveychev O., Belyakov A. Troyanskiy kon zapadnoy istorii. SPb.: Piter, 2014. 224 s.
5. Medinskiy V. «Kto ne kormit svoyu kulturu. budet kormit chuzhuyu armiyu» / [Elektronnyy resurs] // Sayt «Izvestiya». 15.09.2015. – Rezhim dostupa: <http://izvestia.ru/news/587771>
6. Osnovy gosudarstvennoy kulturnoy politiki [Elektronnyy resurs] // Kremlin.ru – ofitsialnoye internet-predstavitelstvo Prezidenta Rossii v seti Internet. 24.12.2014. – Rezhim dostupa: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d526a877638a8730eb.pdf>

7. Potekhin V.K. Sovremennyye konstsiyentalnyye voyny i natsionalnaya bezopasnost Rossii [Elektronnyy resurs] // Sayt «Voyennaya istoriya i futurologiya». – Rezhim dostupa: <http://www.milresource.ru/Potekhin-1.html>
8. Rusin. Vtoroye nashestviye yanychar (istoriya sozdaniya «natsionalno svidomykh») [Elektronnyy resurs] // Elektronnyaya biblioteka «RoyalLib.com». 07.09.2010. – Rezhim dostupa: http://royallib.ru/read/rusin/vtoroe_nashestvie_yanichar.html#0
9. Stavitskiy A.V. Natsionalno-istoricheskiy mif Ukrainy. Sevastopol: Ribest, 2015. 748 s.
10. Stavitskiy A.V. Ontologiya sovremennogo mifa. Sevastopol: Ribest, 2012. 543 s.
11. Stavitskiy A.V. Sovremennyy mif i ego osnovnyye funktsii. Sevastopol: Ribest, 2012. 238 s.
12. Stavitskiy A.V. Ukrainskaya identichnost: obshchiye podkhody konstruirovaniya i mifologizatsii. Sevastopol: Ribest, 2013. 160 s.
13. Stavitskiy A.V. Ukrainskaya mifoistoriya v rezhime informatsionnoy voyny. Sevastopol: Ribest, 2014. 176 s. (Seriya «Mify Ukrainy»).
14. Stavitskiy A.V. Ukrainskaya «elita»: identichnost i globalnyy vybor. Sevastopol: Ribest, 2013. 208 s.
15. Toffler E. Tretia volna. M.: Izdatelstvo AST, 1999. 784 s.

* * *

Stavitskiy A. V. *Mythmaking under conditions of Global interaction of civilizations / Stavitskiy A. V. // The Black Sea region. History, politics, culture. – № XXI(VII). Series C: International relations. – Sevastopol: Sevastopol Branch of Lomonosov Moscow State University, 2017. – P. 38–43.*

The article considers the modern myth as the basic universal of culture, and mythmaking as a basis for interaction between cultures and civilizations. The author shows how in this interaction politicians use the myth to strengthen or weaken, conquer and destroy the country. The myth-making features and mechanism, its strengths and weaknesses are revealed. Social and cultural significance of mythmaking for peoples and civilizations are explained. The author proposes his own approaches to consider the issue.

Keywords: *modern myth, mythmaking, global cooperation, information and psychological warfare, axiological security.*